

Пирожков Геннадий Петрович

БЫТОПИСАНИЕ В КУЛЬТУРОЛОГО-КРАЕВЕДЕНИИ

В статье впервые в литературе представлен авторский опыт использования бытописательного приема. Бытописание рассматривается как одна из стилевых доминант научного, научно-популярного повествования и публицистики, когда необходимо показать специфичность обстановки, окружающей персон, что достигается детализацией вещного мира. Автор, подтверждая методику бытописания примерами из собственных публикаций, утверждает, что иллюстрирование текста бытовыми сюжетами, яркими сценками, эмоциональными нюансами придает произведению больше привлекательности, не снижая при этом его научного уровня.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/3/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (82). С. 138-141. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 908

Культурология

В статье впервые в литературе представлен авторский опыт использования бытописательного приема. Бытописание рассматривается как одна из стилевых доминант научного, научно-популярного повествования и публицистики, когда необходимо показать специфичность обстановки, окружающей персон, что достигается детализацией вещного мира. Автор, подтверждая методiku бытописания примерами из собственных публикаций, утверждает, что иллюстрирование текста бытовыми сюжетами, яркими сценками, эмоциональными нюансами придает произведению больше привлекательности, не снижая при этом его научного уровня.

Ключевые слова и фразы: бытописание; авторские публикации; бытописание как способ познания прошлого; бытописание как литературный прием; вещный мир; текст культуры.

Пирожков Геннадий Петрович, к.и.н., д. культурологии, профессор
Тамбовский государственный технический университет
gpptmb48@rambler.ru

БЫТОПИСАНИЕ В КУЛЬТУРОЛОГО-КРАЕВЕДЕНИИ[©]

Характерной приметой любого повествования является временная дистанция. Способ ее создания – бытописание: изображение повседневной местной жизни, воссоздание ее колорита с учетом хронологии. Часто бытописание выполняет методологическую функцию – придает повествованию конкретность и, фиксируя временное пространство, датированность.

В краеведение бытописание пришло из художественной литературы. Его впервые ввел В. Скотт, назвав «местный колорит». Романы В. Скотта включают массу этнографических элементов, а конкретные описания всегда предполагают «то общее, что свойственно каждой стране, каждой эпохе» [13, с. 87].

Бытописание характерно и для русской литературы. Так, Ф. В. Булгарин в предисловии к роману «Дмитрий Самозванец» указывал: «...описывая действия, я не мог пренебречь местностями и представил образ жизни действующих лиц и нравы, обычаи, степень просвещения, одежду, вооружение, пиры и проч.» [1, с. 6]. В творчестве А. С. Пушкина бытописание оказывается «гораздо менее рельефной и труднее определенной категорией, нежели у его современников, – пишет В. Э. Вацура. – Мы намеренно не касались тех случаев обращения к быту, которые обычно включаются в понятие пушкинского бытописания... (“Граф Нулин”, “Домик в Коломне”). Нас интересовала та линия философского, исторического и социального осмысления быта, которая... вела Пушкина к созданию социальных характеров и социальных обобщений, даже символов... на примере “Медного всадника”» [2].

У многих русских писателей бытописание является основой познания прошлого: быт семьи, помещичьего имения, села или города, выписанный ими, часто конкретным содержанием составляет цельный бытописательный пласт. Используя бытописание как литературный прием, они воссоздают типичную атмосферу бытового дворянского, купеческого, крестьянского обихода и уклада, показывают достоверную среду, в которую погружена духовная жизнь человека. Часто включают в описание традиционные мотивы вещного бытового мирообраза – еды, одежды, денег, которые своей отрицательной/положительной знаковой функцией добавляют живописности, колеров, ощущений в восприятие придаваемого им автором эстетизированного/реалистичного облика: еда – пиршественный стол; одежда – великолепные наряды, деньги – сверкающие драгоценности и пр. Получается, что в историческом повествовании вещи, являясь знаками изображаемой эпохи и среды, часто имеют доминирующую культурологическую функцию. Именно на них зачастую сосредоточено основное внимание. Наличие их в тексте создает у читателя ситуацию интеллектуального напряжения, заставляет представить (образно реконструировать) описываемую автором вещь, что служит толчком к мысленному диалогу с прошлым: шубу раньше носили именно так; эдак семья сидела за чаем; а так выглядело платье купчихи, иначе одевались крестьянки... Так читатель сам творит картину прошлого, реконструируя и вписывая в ее полотно детали вещей, нюансы поступков, сюжеты действий людей и т.п. Он, сравнивая вещи, ситуации, поступки, мысленно создает свой текст культуры, размышляя над которым, погружается в историю, осмысливает прошлое.

Таким образом, поскольку в реальной действительности вещный мир традиционно соотносится с предметами материальной культуры, получается, что по представленным в литературе вещам «давно минувших дней» – как ценному историческому источнику – исследователь, а вслед за ним и читатель, используя метод реконструкции, воссоздают быт описываемого времени, познавая через него правила, нормы и культурные образцы прошлых эпох.

Яркий пример бытописания – показ жизни советской деревни 1920-х гг. в романе Н. И. Кочина «Девки» (1928), действие которого происходит в конкретной деревне конкретной губернии в точно указанное время. Повествование, охватывая предысторию колхозного движения, предшествует всему тому, что будет

рассказано позднее М. А. Шолоховым в «Поднятой целине». Кочин и Шолохов, как, впрочем, и другие писатели, изображающие деревню 1920-1930-х гг., предельно точно ограничивали хронологические рамки своих произведений, так как сместить временную ось повествования было нельзя: уклад деревенской жизни в годы коллективизации пришел в мощное движение, реальность менялась ежедневно. Художники, укладывая конкретные события в строгие хронологические рамки, решительно отказывались от вымысла и чаще повествовали лишь о том, чему сами были свидетелями, что действительно происходило, причем, в конкретном месте. Поэтому подобные произведения, вещи в них – это сам по себе ценный исторический источник, введение которого в культуролого-краеведческое исследование способствует более глубокому анализу действительности изучаемого прошлого.

В практике бытописания [3-6; 8; 11] мы часто использовали:

а) *эпизоды из историко-художественных произведений*, например, из романа А. Эртеля «Гарденины» описание «кузнеца Ермила, который совершенно не умел говорить обыкновенным человеческим языком, поэтому “ухитрялся придавать одному и тому же слову многообразнейшее значение: в одном случае оно означало негодование, в другом – презрение, в третьем – нежность, похвалу, льстивость и так далее без конца”» [12; 4, с 353-354];

б) *сюжеты, созданные нами на основе воспоминаний* (например, рассказа деда автора, М. В. Пирожкова, о том, как его учили плести лапти) [7]:

«...Как только солнце освещает избу, дед Тимофей берет в руки кадач, это такой железный крючок, без которого лапти не сплетьешь. Он садится за свой стол, заваленный деревянными колодками, и начинает плести. Скоро просыпается самый маленький внук, восьмилетовалый Мишутка, которого отец приставил помогать деду – обрезать, вытягивать и подавать лыко, а заодно и учиться лапотничать. Ох, сколько ребятшек научил дед Тимофей – лучший в селе мастер-лапотник – этому делу! Так уж повелось в крестьянских семьях – лапти плетут старики, уже не способные к тяжелой крестьянской работе, да заодно обучают мальцов. Вот и работают уж какой месяц вдвоем – стар и мал...»

Мишутка уже умеет плести подошву, а придать лаптям форму башкама, постоянно оплетая лыком верх передней части колодки, пока не может: руки слабоваты. Не хватает силы в пальцах и приметать задник. А дело-то нехитрое: свободные концы лыка надо загнуть снова внутрь, закрепить, тогда края отверстия получатся ровные и не будут резать ногу. “Затем вот так, смотри, Мишутка, учись, пока я живой, – говорит дед внуку, – по краям отверстия из тех же лык приделываются ушки, чтобы в них просунуть ремни, которыми, стягивая отверстие, лапоть прикрепляется к ноге... Учись, Мишутка, нужному ремеслу, набирай силы в пальцы – лаптей нужно много, семья большая. Да и кусок хлеба навсегда будет твой...”. Дед берет у внука шесть новых лык, зажимает коленями колодку и начинает плести. А заодно продолжает объяснять: на пару лаптей требуется двенадцать лык. Лучшие, когда длина каждого лыка большей частью 3 аршина (аршин – мера длины, равная 16 вершкам, – 71,12 см)... А следующей весной – опять в лес, лыко драть. Каждая липка – лутошко – может дать 3-4 лыка, так что на пару лаптей пойдет 3-4 дерева. Жалко молодую лесную поросль, да что поделаешь – босиком далеке не уйдешь, а на сапоги Мишутка заработать не просто...»;

в) *описания бытовых сценок* (см., например, в очерке «По дороге столбовой» [10]):

На почтовой станции: *«Короткая остановка, смена лошадей. От самовара купец отказывается – обедать удобнее в Хмелинке. Пока перепрягали лошадей, купец прогуливался, заходил на постоялый двор. В это время в ворота въехали две кареты, в которых путешествовала помещичья чета с гувернантками, няняками, лакеями. Двор сразу же огласился криками, разговорами. Люди засуетились, начали распрягать лошадей, ставить самовар, развертывали и развязывали завернутых в сахарную белую бумагу и завязанных в салфетки, взятых с собой на дорогу жареных цыплят, кур, резные крендельки к чаю, пышки... Дворничиха в темном с красными и желтыми цветочками платье скоро принесла в дом огромный сливочник с нарисованными на нем розанами и какими-то золотыми и синими разводами. Приехавший барин с семьей вошел в дом. Кучера и лакеи начали впрягать в кареты подставу – высланных накануне и теперь свежих лошадей... Но вот купца окликнули: выезд был готов, лошади напоены на дорогу, запряжены. Тронулись...».*

В трактире: *«После нескольких часов однообразно-унылой тряски тройка въехала в Хмелинку. Оформив проездные документы и вверив свой груз новому ямщику, купец пошел обедать...»*

Хмелинский кабак был не худшим в своем разряде заведением, хотя обслуживал не только путешествующих, но и окрестных жителей. Хозяин торговал бойко. С утра до ночи здесь слышались нестройные речи, пьяный бабий визг, дребезг посуды, проворное шмыганье половых. Запах сивухи и пара, грязной одежды и сырости, каплями сочившейся с потолка, отравлял воздух.

- А, небось, кабак полон? – спросил купец стоявшего у входа подвыпившего мужичонка.

- Известно, полон, – сплевывая сквозь зубы, отвечал тот, – небось, брат, как горе-то навалится, не токмо что в кабак, в омут забежишь... Ноне хорош годок, да к посту хлебушка нетути, а завтра он и во все може не родится... Вот оно что в кабак-то гонит, мил ты человек, горе вековешное...»

Купец уже не слушал извечные крестьянские оправдания пьянства.

В двух просторных комнатах стояли столы с лавками, играла хриплая машина – орган. За столами сидели, пили, курили цигарки, заводили песни.

Купец посмотрел на орган, его медные трубы, на валы с крючками, на колесо, которое вертел впотевший мальчишка. Пока тот вращал колесо – машина гудела: “Не белы-то снежки во поле забелелись...”

Купец уже видел в Тамбове и Ростове орган, который работал на заводе: покрутил ручку – он и начнет откалывать... Что ж, и это дело, все мальцу заработок.

Гость, сев за свободный стол, крикнул прислуге: “Эй, мальй, тащи-ка щей да колбасы на закуску, не забудь кренделей фунтик. Пошатывайся, елова голова!”.

Заказ выполнили быстро. Выпив и закусив, попросил чаю, в чай купец подливал сантуринского вина и не спеша потягивал...

За соседним столиком обедал среднего роста осанистый человек, русский, с легкой проседью в окладистой бороде, в солидном “купеческом” картузе и в синей бекеше. По тому, как с ним раскланивались мужики, и подавал гостю сам хозяин, было видно, что это – управляющий одним из соседних помещичьих имений.

Сидевший в углу комнаты человек в мещанской чуйке громко кричал:

- Сроду родясь, рабами не были. Еще прадед мой – царство ему небесное! – был кирсановским мещанином. Невысокое звание, но все ж таки не хам! В городе живем...

Его собеседник, не слушая, пьяно рассуждал:

- Город-то не тетка, тут-то что? Слез с печи, брюхо распоясал, вынет баба шти – хлебай, покуда утроба дозволит. Но в городе первое дело – машину покажи...

В другой комнате собралось несколько пар однодворцев – их выдавала, прежде всего, манера одеваться: толсто наворачивать онучи, носить широкие сапоги, кафтан с приподнятыми плечами и высоким воротом, уродливые кички и поневы у баб. Выделял их и говор: “каго” или “чаго” вместо “ково” и “чево”, “цо” вместо “што”... Они пили чай с жамками – мятными пряниками.

Крупная женищина в синем сарафане, войдя через боковую дверь, начала громко ругаться на человека, стоявшего за буфетом. Кабатчик, только что севший рядом с управляющим и внимательно слушавший его, сразу же ее успокоил:

- Овдотья, ей-богу, изволочу как собаку! Замолчи.

Баба быстро юркнула в дверь, из которой только что появилась.

А управляющий громко проговорил:

- Сладки гусиные лапки! – А ты их едал? – Я-то не едал, да мой дядя видал, как наш барин едал! Эх, брат, без денег да без силы везде пропадешь. И стал вылезать из-за стола.

Посмотрев на часы – было уже половина пятого, купец расплатился, щедро наградив полового чаевыми, и заспешил на станцию: к вечеру его ждали в Кирсанове, где в трактире Апоницкого была назначена встреча с торговыми людьми из Чембарского уезда».

Чтобы подчеркнуть своеобразие того или иного уклада жизни и быта, в описанных сценках использованы различные лексические пласты языка (архаизмы, диалектизмы и др.). Их применение является выразительным приемом, хотя и создает трудности для восприятия, поэтому желательно снабжать текст примечаниями, пояснениями, ссылками на документальные источники, что придает произведению необходимый уровень научности. Так, в очерке о селе Пахотный Угол нами использовано много местных слов, о содержании которых в тексте даны пояснения, например, «вирюхляи» (любители врать), «згальные» (взбалмошные), «махоночка» (ребенок), «двоешки» (близнецы), «лабуда, долдоны, валухи» (глупые, бестолковые), «карюзлики и мухляки» (маленькие и худенькие), «лантрыга» (гуляка, мот), «обыдно» (в будни), «мама старенькая» (бабушка), «матушка» (мать мужа) и др. [9]. Использование экспрессивной лексики – недопустимо.

Таким образом, наряду с широким привлечением в культуролого-краеведческие тексты материалов из историко-художественной литературы, исследователю желательно иллюстрировать свои повествования небольшими бытовыми сюжетами, яркими сценками, эмоциональными нюансами, что, не снижая научного уровня исследования, поможет избежать сухости изложения, придаст произведению больше привлекательности, повысит его читабельность.

Итак, вещи составляют ряд, образуя в совокупности облик эпохи. Они – знак того или иного уклада жизни, культуры, национальности, социальной группы. Поэтому бытописание – одна из стиливых доминант культуролого-краеведческого повествования, в котором важно показать характерность обстановки, окружающей персон, ее несхожесть с той, к которой привыкли мы. Эта цель достигается подробнейшей детализацией вещного мира.

Овладение приемом бытописания – задача не простая; она требует от исследователя научного кругозора, знания истории литературы, культуры и искусства, умения работать с разными вещественными источниками.

Список литературы

1. Булгарин Ф. В. Димитрий Самозванец. М.: Кронос, 1994. 509 с.
2. Вацуро В. Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/im6/im6-150-.htm> (дата обращения: 02.01.2014).
3. Пирожков Г. П. За 448 верст от Москвы. Тамбов, 2010. Кн. 1. Тамбовский край: из истории городов и сёл (культуролого-краеведческие этюды). 136 с.
4. Пирожков Г. П. За 448 верст от Москвы. Тамбов, 2010. Кн. 2. Тамбовский край: занятия, быт и нравы жителей (очерки, эссе, интервью). 140 с.
5. Пирожков Г. П. За 448 верст от Москвы. Тамбов, 2010. Кн. 3. Тамбовский край в советское время (заметки, очерки, интервью). 132 с.
6. Пирожков Г. П. Лапти // Юный краевед. М., 2008. № 1. С. 26-29.

7. Пирожков Г. П. Лапти. Целехоньки, лыковые // Экспресс-Репортер. Тамбов, 1999. 15 сентября.
8. Пирожков Г. П. «Отчий край» в диалоге с прошлым ради будущего // Акулинин А. М. Падение стены: роман в двух частях. Рассказы. Очерки. «И вот иду я...» (из мемуаров). Потешки Лозовского. Тамбов, 2008. С. 5-14.
9. Пирожков Г. П. Пионеры: из истории села Пахотный Угол // Кредо. Тамбов, 1992. № 5-6. С. 86-89.
10. Пирожков Г. П. По дороге столбовой: сб. историко-краеведческих очерков // Рассказ-газета. Тамбов, 1994. № 5.
11. Пирожков Г. П. Связь художественного творчества с родным краем // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2006. № 3 (17). С. 13-15.
12. Пирожков Г. П. Экспрессивная лексика (к вопросу об истоках и месте в истории) // Тамбовские хроники: историко-краеведческий бюллетень. Тамбов, 1999. № 6-7. С. 13-17.
13. Рейзов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. М.: Гослитиздат, 1958. 569 с.
14. Эртель А. Гарденины. М.: Гослитиздат, 1954. 616 с.

EVERYDAY LIFE MATTERS DESCRIPTION IN CULTUROLOGICAL LOCAL HISTORY

Pirozhkov Gennadii Petrovich, Ph. D. in History, Doctor in Culturology, Professor
Tambov State Technical University
gpptmb48@rambler.ru

In the article for the first time in literature the author presents his own experience of using everyday life matters description method. Everyday life matters description is regarded as one of the style dominants of scientific, popular scientific narration and publicism, when it is necessary to show the specificity of the scenery surrounding people that is achieved by the object world detailing. The author, confirming the methodology of everyday life matters description with the examples from his own publications, argues that illustrating the text with everyday life plots, bright scenes, emotional nuances makes the work more attractive without lowering its scientific level.

Key words and phrases: everyday life matters description; author's publications; everyday life matters description as way of the past cognition; everyday life matters description as literary method; object world; culture text.

УДК 378

Педагогические науки

В статье рассматриваются условия сохранения эстетического здоровья студентов. Проанализирован эстетический аспект компонентов здоровья. Представлена модель эстетического воспитания студентов. Изучены условия формирования компетенций студентов с учетом цели эстетического воспитания. Приведены результаты экспериментальной работы по формированию эстетического здоровья бакалавров педагогического направления.

Ключевые слова и фразы: эстетическое здоровье; искусство как творчество; человек искусства; здоровье-творческий компонент; учебная деятельность как произведение искусства.

Поселягина Лариса Вячеславовна, к. пед. н.
Омская гуманитарная академия
livnevy@mail.ru

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ[©]

В настоящее время происходит обновление системы воспитания в вузе. Создается новая педагогическая парадигма в обучении и воспитании: в педагогике появились такие понятия как искусство преподавания, искусство обучения, искусство воспитания, в том числе и этического, эстетического.

На наш взгляд, эстетическое воспитание студента способствует сохранению физического и психического здоровья, позволяет быть адаптированной личностью в современном мире, реализовывать себя.

Эстетическое воспитание является необходимой составляющей подготовки студента. Оно не сводится к морально-этическому аспекту. Морально-этический аспект – это сфера нравственного воспитания, целью которого является развитие нравственных качеств личности. Мы определяем эстетическое воспитание как совокупность взаимосвязанных компонентов эстетического взаимодействия (цели, содержание, формы, методы, средства, критерии, условия, факторы, диагностика), формирующих эстетическое отношение к действительности и искусству с позиций эстетического идеала.

Разработанность компонентов эстетического воспитания позволяет выйти на новый уровень и представить систему эстетического воспитания в вузе как искусство, лично значимое для всех участников образовательного процесса: студентов, преподавателей, психологов, администрации, работников производственных предприятий, средств массовой информации, учреждений культуры, отдыха и спорта. С этой целью происходит развитие личностного отношения ко всему происходящему, идет интеграция знаний о мире и